

Зайцева Татьяна Борисовна

О ЛЮДЯХ И ДЕРЕВЬЯХ (К ИСТОРИИ ОДНОГО ХРИСТИАНСКОГО СЮЖЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРКЕГОРА И ЛЕРМОНТОВА)

В статье впервые сопоставляются баллада Лермонтова "Три пальмы" и притча о буке Киркегора из трактата "Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал". Автор обнаруживает общий для обоих произведений сюжет-прототип - апокрифическое сказание о бегстве Святого семейства в Египет, широко известное в европейском искусстве. В статье акцентируется внимание на сходстве представлений Киркегора и Лермонтова о человеке XIX столетия - века безверия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 77-80. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1.0

Филологические науки

В статье впервые сопоставляются баллада Лермонтова «Три пальмы» и притча о буке Киркегора из трактата «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал». Автор обнаруживает общий для обоих произведений сюжет-прототип – апокрифическое сказание о бегстве Святого семейства в Египет, широко известное в европейском искусстве. В статье акцентируется внимание на сходстве представлений Киркегора и Лермонтова о человеке XIX столетия – века безверия.

Ключевые слова и фразы: источники сюжета; сюжет-прототип; символ; образ дерева; индивидуалист; эстетик; повторение; безверие.

Зайцева Татьяна Борисовна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный университет

tbz@list.ru

О ЛЮДЯХ И ДЕРЕВЬЯХ (К ИСТОРИИ ОДНОГО ХРИСТИАНСКОГО СЮЖЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРКЕГОРА И ЛЕРМОНТОВА)[©]

В трактате С. Киркегора, впервые опубликованном в России в 1885 г. под названием переводчика П. Г. Ганзена «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», киркегорский персонаж-псевдоним асессор Вильгельм рассказывает притчу о буке:

«Представим себе бук; его дело расти, пускать побеги, выгонять листья и доставлять людям приятную тень. И вдруг бы он сказал себе самому: “Сюда, где мне приходится расти, некому и незачем приходить; я вечно буду стоять один, к чему же мне расти, к чему выгонять листья, что я совершу этим?” — и перестал бы делать свое дело. А между тем, со временем пришел бы какой-нибудь путник и сказал: “Вот если бы это дерево было погуще, я мог бы отдохнуть в его тени”! Каково было бы дереву слышать это, будь оно вообще в состоянии слышать?» [4, с. 342].

История бука прочитывается в трактате Вильгельма как притча о судьбе типичного человека, который рано или поздно хоть немного задумывается о смысле собственной жизни и своем предназначении и при этом хоть немного сомневается в уготованной ему Высшими силами участи. Вильгельм, олицетворяющий в книге Киркегора позицию этика, предлагает эту историю в назидание для своего оппонента (эстетика), чтобы убедить его (да и любого читателя) в том, что ни при каких обстоятельствах не следует роптать на судьбу и отчаиваться, если, так сказать, счастье «не дается ему в руки» [Там же]. Притча тесно связана с этической концепцией Киркегора о труде, «благородных» талантах и истинном призвании человека, о связи индивида с общечеловеческим.

Однако смысл маленькой притчи Киркегора перерастает рамки *этической* концепции, не исчерпывается лишь моральным наставлением, но тонко намекает читателю на возможность третьей, самой важной стадии жизненного пути, – религиозной экзистенции.

Доказать выдвинутый тезис поможет нам поиск *источника* притчи Киркегора о буке. О том, что такой источник существовал, подсказывает нам неожиданное и даже поразительное сходство отрывка из киркегорского трактата с балладой Лермонтова «Три пальмы». Русский поэт и датский мыслитель, жившие в одно время, будучи ровесниками, ничего не знали друг о друге, но их понимание и ощущение своей эпохи и человека своего времени поражает сходством.

Лирический зачин стихотворения «Три пальмы» и сюжетная основа притчи о буке Киркегора, на наш взгляд, имеют ключевые общие моменты:

- 1) образ дерева, символизирующий человека, вопрошающего о своем предназначении (*пользе*);
- 2) мотив ожидания возможного и необходимого для героев появления усталого странника или путника, который нуждался бы в заботе, мечтал бы отдохнуть в тени;
- 3) стремление героев самостоятельно выбрать свою судьбу;
- 4) мотив одиночества и заброшенности.

По нашему предположению, похожие мотивы должны обнаруживаться и в потенциальном источнике сюжетов обоих произведений. Каковы же предполагаемые источники лермонтовской баллады и есть ли среди них напоминающие притчу Киркегора?

Историю создания баллады Лермонтова подробно проследил В. Э. Вацуро: поэт в замысле «Трех пальм», несомненно, отправлялся от «IX Подражания Корану» Пушкина, однако посредником между пушкинским и лермонтовским текстом следует признать стихотворение С. Раича «Вифлеемские пастыри». Фрагмент из этого стихотворения, посвященный пророчеству 3-го пастыря о гибели ветхозаветного мира, который символизируется образом Ливанского древа, т.е. гигантского кедра (в соответствии с библейским первоисточником — 10-11 главами Книги пророка Исайи), был «еще одним звеном, закреплявшим за строфой, открытой в свое время Жуковским (в “Песни араба над могилою коня”), репутацию “ориентальной” строфы» [2, с. 69].

Самое главное, считает В. Э. Вацура, что стихотворение С. Раича содержало «именно тот центральный мотив, который затем мы находим только у Лермонтова, — мотив дерева, “гордящегося красотой” и пораженного поэтому рукою Бога. У Раича впервые мотив этот получает автономный характер; в исходном библейском тексте он едва намечен, у Пушкина он возникает в качестве побочного» [Там же].

Словесно-образные темы также выдают близость лермонтовского стихотворения со «священной идиллией» [7, с. 110] С. Раича. «Три гордые пальмы высоко росли», «роскошные листья», «гордо кивая махровой главою» — все эти опорные эпитеты, обозначающие тему «красоты и гордости», — отсутствуют у Пушкина и находят соответствие у Раича: «Высоко <...> взнесло Роскошное тенью прохладной чело»; «Гордися <...> красотой» и т.д. «Может быть, неосознанная ассоциация связывает образный строй лермонтовского стихотворения и с тем местом в Евангелии, где содержатся парафразы как раз упомянутого фрагмента Книги Исайи: “...уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь” (Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 10; от Луки, гл. 3, ст. 9). Ср. в “Трех пальмах”: “По корням упругим топор застучал”; “И медленно жгли их до утра огнем”. Нет необходимости доказывать специально, что источник Лермонтов переосмыслил полностью, в полном противоречии не только с библейским, но и с пушкинским текстом поставив акцент на идее разрушительной жестокости кары, но, как это ни покажется парадоксальным, именно эту идею мог ему подсказать текст Раича, вне зависимости от субъективных намерений его автора» [2, с. 70].

Таким образом, в стихотворении Лермонтова на первый план, по мнению исследователя, выходит тема «красоты и гордости» и, главное, оригинальный мотив неоправданно жестокого, разрушительного наказания, нанесенного рукой Бога, за гордое самолюбование и дерзкий ропот против несправедливого божественного мироустройства («Не прав твой, о небо, святой приговор» [5, с. 124]).

Отметим значимое отличие замысла Лермонтова от библейского источника, стихотворения Раича и «стилизации» Пушкина. В стихотворении Лермонтова большое значение приобретает мотив *пользы*. В Евангелии от Матфея и Евангелии от Луки Исайя пророчествовал гибель дереву, не приносящему *доброто* плода: под добрым плодом подразумевался выдвигаемый как непреложное требование «достойный плод покаяния». (Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 8; от Луки, гл. 3, ст. 8). Ветхозаветный мир должен преобразиться, покаившись перед грядущим Мессией.

В балладе «Три пальмы» возникает вопрос, лишь косвенно связанный с Книгой Исайи: а что же считать пользой, *добрым* или *достойным* плодом, ответ на который далеко не столь однозначен, как в Библии. Лермонтовские пальмы были наказаны за дерзкую попытку усомниться в предназначении, начертанном им Богом. Гордое желание трех пальм принести пользу по их собственным ограниченным представлениям (трагически сталкивающимися «с законами бытия, скрытыми от духовного взора» героинь, «выходящими за пределы их понимания» [8, с. 579]) не содержит даже намек на «достойный плод покаяния». Поэтому отношение автора к героиням двойственно: пальмы — очевидно, *жертвы* надличностных сил (в стихотворении Лермонтова под таковыми могут пониматься Бог, движение Цивилизации и Прогресса, Судьба), но они одновременно и *виновники* своей гибели, поскольку оказались не способны преодолеть рамки собственного индивидуализма.

Обратим внимание на мотивацию выбора дерева — пальма — в лермонтовской балладе. Ливанское дерево, кедр, — образ, использованный Раичем, слишком тесно был связан с библейским источником и нес в себе заданный заранее аллегорический смысл (ливанское дерево — ветхозаветный мир). В «IX Подражании Корану» Пушкина пальма лишь обозначает место действия, являясь экзотическим атрибутом изображаемых событий. В. Н. Турбин, отмечая исключительную литературную память Лермонтова, предполагает, что возможным источником баллады «Три пальмы» могло послужить стихотворение П. Кудряшова «Влюбленный араб» (1826 г.), которое и навеяло образ прекрасных пальм:

Как юная пальма, так дева стройна;
Волшебной красою пленяет она [Цит. по: Там же].

«Ряд речевых оборотов и мотивов баллады (удар топора, образ юной и стройной пальмы и т.п.) ближе всего именно к мотивам стихотворения П. Кудряшова» [Там же, с. 580], — предполагает исследователь.

В ветхозаветной традиции пальма соотносится с праведным человеком: «Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс. 91:13), или выступает как символ женственности, поскольку стройный ствол пальмы напоминает красивый женский стан (Песнь песней). Обратим внимание, что 91 псалом объединяет оба дерева: пальму и ливанский кедр, что также могло повлиять на образный ряд лермонтовского стихотворения.

Образ дерева, символизирующий человека, вопрошающего о своем предназначении (*пользе*); мотив ожидания возможного и необходимого для героев появления усталого странника или путника, который мечтает отдохнуть в тени; мотив одиночества — отмеченные ранее смыслообразующие элементы сюжета, общие для Киркегора и Лермонтова, — совершенно отсутствуют и у Жуковского, и у Раича. Киркегорская притча абсолютно не схожа с «восточными сказаниями» русских поэтов. В притче Вильгельма нет даже намек на восточную или иную экзотику, все привычно и обыденно, отсутствуют и мотивы «красоты и гордости».

Значит, источником лермонтовской баллады могла быть не только Книга Исайи, «IX Подражание Корану» Пушкина, стихотворение С. Раича «Вифлеемские пастыри», стихотворение П. Кудряшова «Влюбленный араб», но и какой-то достаточно широко известный сюжет, несомненно, также знакомый европейцу Киркегору.

В статье «Словаря христианского искусства», посвященной пальме, есть указание на то, что «это вечно-зеленое дерево неизменно присутствовало в изображениях библейских эпизодов Отдыха на пути в Египет и Входа в Иерусалим» [1, с. 166]. Энциклопедия символов утверждает: «В христианском изобразительном искусстве пальма (символ долголетия или бессмертия) стала атрибутом многих святых и мучеников. Со времен раннего христианства часто изображаются “пальма первенства” мученика (означающая его духовную победу) и зеленеющая пальма ожидаемого рая в конце земной жизни» [9]. Такое символическое значение пальмы и пальмовой ветви сформировалось под влиянием христианских традиций и обрядов и *апокрифических евангелий*, прежде всего, «Евангелия псевдо-Матфея» (V век).

Э. Ренан писал о «Евангелии псевдо-Матфея», рассказывающем о рождении благодатной Марии и детстве Спасителя: «Ни одна книга не имела такого влияния, как эта, на историю христианских праздников и на христианское искусство» [Цит. по: 3, с. 175]. Хотя первая публикация книги состоялась в Европе в 1832 г., апокриф был известен, начиная с раннего Средневековья, и сюжет о бегстве Святого семейства в Египет получил широкую популярность в искусстве европейской живописи, начиная с XVI века. Непременным атрибутом сюжета была пальма, укрывшая в своей тени Святое семейство и заслужившая таким образом место в Раю.

В книге псевдо-Матфея мы узнаем важные для нас подробности о бегстве Святого семейства в Египет: на третий день пути Мария утомилась в пустыне от слишком сильного солнечного жара и попросила Иосифа остановиться отдохнуть в тени пальмы. «Младенец Иисус, который был на руках Своей Матери, сказал пальме: дерево, наклони свои ветви и напитай Мою Мать твоими плодами. Тотчас же, по слову Его, пальма склонила вершину свою к ногам Марии, и, собрав плоды, которые были на ней, все ими насытились. <...> Тогда сказал ей Иисус: поднимись, пальма, и будь товарищем Моим деревьям, которые в раю Отца Моего. И пусть из-под корней твоих истечет источник, который скрыт под землею, и пусть даст нам воду утолить жажду нашу. И тотчас пальма поднялась и между корнями ее начал пробиваться источник воды, весьма прозрачной и холодной и величайшей сладости» [Цит. по: Там же, с. 192-193].

Этот апокрифический рассказ содержит указанные выше общие для Лермонтова и Киркегора мотивы: появление усталого путника, который нуждается в заботе, мечтает отдохнуть в тени, обретение смысла жизни и воздаяние за принесенную пользу. Образ холодного источника воды, пробившегося между корней, подготавливает образ лермонтовского «звучного ручья». Апокрифический рассказ «Евангелия псевдо-Матфея», на наш взгляд, вполне подходит на роль сюжета-прототипа баллады Лермонтова и притчи Киркегора.

Отметим, что выделенные элементы сюжета и мотивы присутствуют, хотя в «перевернутом» виде, в стихотворении Пушкина. Правда, в «IX Подражании Корану» ропщет не дерево, а усталый путник, истомившийся от жажды и жаждущий тени. И главная мысль пушкинского стихотворения заключена, на наш взгляд, в перспективе развития ситуации: Бог, приведя путника в оазис, даровав ему воду и тень, в назидание и наказание демонстрирует силу и волю «владыки небес и земли», повелителя времени и вечности, но в финале всё же являет чудо пробуждения и воскрешения, когда минувшее оживляется «в новой красе». Важное отличие лермонтовской баллады от пушкинского «IX Подражания Корану» В. Н. Турбин видит в том, что «стихотворение Пушкина оптимистично, оно запечатлевает легенду о совершившемся в пустыне чуде: усталый путник погружается в смертный сон, но он пробуждается, и вместе с ним пробуждается обновленный мир: “И чудо в пустыне тогда совершилось:/ Минувшее в новой красе оживилось;/ Вновь зыблется пальма тенистой главой;/ Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой”. Чудесному возрождению у Пушкина Лермонтов противопоставляет опустошение» [8, с. 580].

Чудесный финал пушкинского стихотворения по духу соответствует апокрифическому рассказу о божественном воздаянии пальме, послужившей Святому семейству: «На другой день они ушли, и когда они отправились в путь, Иисус обернулся к пальме и сказал: говорю тебе, пальма, и приказываю, чтобы одна из твоих ветвей была отнесена ангелами Моими и посажена в раю Отца Моего, и Я дарую тебе в знак благословения, что всем, кто победит в битве за веру, будет сказано: вы удостоились пальмы победы. <...> эта пальма, которую я велел перенести в рай, будет для всех святых в месте блаженства как та, которая была готова вам здесь, в пустыне» [Цит. по: 3, с. 193].

Движение лирического сюжета у Пушкина совершается от «И путник усталый на Бога роптал» до «И с Богом он дале пускается в путь» [6, с. 212-213], от безверия к вере. Лермонтов не только полностью переосмыслил пушкинский сюжет, но и своеобразно преломил и продолжил его, переосмыслив в то же время и продолжив сюжет апокрифической истории бегства Святого семейства в Египет.

Оптимистического развития сюжета мы не наблюдаем ни у Лермонтова, ни у Киркегора. Начало баллады Лермонтова «Три пальмы» как будто продолжает апокрифическую историю псевдо-Матфея. Спустя много-много лет, прошедших неслышно [5, с. 124], *тихих* по сравнению со знаменательным событием отдыха Святого семейства, пальмы, ставшие когда-то избранными по велению Сына Божьего, ожидают повторения встречи, наделившей их жизнь высоким смыслом, ожидают того, что было явлено пушкинскому путнику: оживления минувшего, или, на языке Киркегора, *повторения*. В свете апокрифического сказания ожидание встречи с Путником в стихотворении Лермонтова прочитывается как ожидание повторения встречи с Богом, ожидание, которое явно затягивается и угнетающе, в конечном счете губительно действует на сомневающийся в Божественном замысле героинь.

В притче Киркегора так же, как у Лермонтова, время немифологическое (Священной истории), притча отражает особенности нового времени. Образ бука в книге датского философа — символ самого обыкновенного человека, каких много, современника Киркегора. Об этом свидетельствует киркегоровский выбор дерева для

притчи, который, безусловно, не случаен. Бук — одно из самых распространенных в XIX веке деревьев в Дании, значит, одно из самых привычных. Проблема выбора экзистенции, подлинного бытия стоит перед любым человеком, подобен ли он недалекому рядовому «буку», проживающему самую обычную жизнь, или является выдающимся «рыцарем веры», подобно страдающему в неведении божественного замысла (но не в неверии) Иову или Аврааму, готовому беспрекословно пожертвовать Богу своего любимого сына.

В киркегоровской притче так же, как у Лермонтова, вступают в конфликт воля человека (обусловленная желанием приносить пользу, т.е. принести в свою жизнь осязаемый выжитый смысл) и воля Бога (неизвестная и непонятная человеку). Киркегоровский бук, устав от ожидания встречи с Путником, отказывается подчиняться Божественному предназначению, поставив его под сомнение.

Киркегор заставляет своего читателя задуматься об условиях перехода к религиозной экзистенции, о проблеме выбора. Имеет ли смысл ожидание встречи с Путником, если таковая может и не состояться вообще? Идеальный вариант развития событий: долгожданный Путник может явиться Сыном Божьим, как пальме во время бегства Святого семейства в Египет. Однако он может оказаться и ничем не выдающимся прохожим и даже человеком с топором.

В притче Киркегора ирония направлена на человека-индивидуалиста, *упорствующего* в эстетическом существовании: «*дерево вряд ли способно слышать*». По мысли асессора Вильгельма, только человек, живущий по этическим принципам, способен преодолевать отчаяние и сомнение, обретая смысл жизни в труде и духовном развитии личности через приобщение к общечеловеческому (миллионы *буков* делают свое дело). Вильгельм остается в рамках этического урока-упрека, но апокрифический сюжет-прототип намекает нам на позицию не персонажа-псевдонима, а самого автора, Киркегора. Недоверие к Божественному замыслу ведет к неверию и гибели (поскольку решение бука перестать расти означает отказ от существования вообще).

Иронической насмешкой в стихотворении Лермонтова предстает явление пальмам не Святого семейства, а каравана бесцеремонных кочевников, несущих не спасение, но гибель. Такова трагическая участь человека XIX века: в отличие от смиренной и неискушенной пальмы апокрифического сказания лермонтовские пальмы, вкусившие плод «познанья и сомненья», олицетворяют индивидуализм человека эпохи безверия, не способного пожертвовать собственной гордостью, что означало бы для него пожертвовать собственной уникальностью.

Ситуация современного человека, по Киркегору и Лермонтову, — это ситуация заброшенности на самого себя, обреченность на сомнения в существовании Высшего замысла и Высшей целесообразности и попытка найти выход из ситуации исключительно своими силами, полагаясь на свою волю, попытка, которая оборачивается разочарованием (усиливающимся отчаянием) или гибелью.

Апокрифический христианский текст, «просвечивающий» сквозь притчу Киркегора и балладу Лермонтова, напоминает о том, что *повторение* (преодоление богооставленности) возможно, однако современный человек (лермонтовский индивидуалист или киркегоровский эстетик), упорствующий в своем Я, сам уничтожает эту возможность.

Список литературы

1. Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства. Челябинск: Урал LTD, 2000. 272 с.
2. Вацуро В. Э. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 49-90.
3. Деревенский Б. Г. Иисус Христос в документах истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblicalstudies.ru/Books/Derevensky4.pdf> (дата обращения: 19.04.2013).
4. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
5. Лермонтов М. Ю. Три пальмы: восточное сказание («В песчаных степях аравийской земли...») // Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6-ти т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти т. М.: Наука, 1963. Т. II. С. 212-213.
7. Северная лира на 1827 год / отв. ред. А. Л. Гришунин. М.: Наука, 1984. 413 с.
8. Турбин В. Н. Три пальмы // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 579-581.
9. <http://www.symbolarium.ru/index.php/Пальма>

ABOUT PEOPLE AND TREES (ON HISTORY OF CHRISTIAN PLOT IN WORKS OF KIRKEGAARD AND LERMONTOV)

Zaitseva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Magnitogorsk State University
tbz@list.ru

The author for the first time compares Lermontov's ballad "Three Palms" and the parable of the beech by Kierkegaard from the treatise "The Harmonic Development of Human Personality's Aesthetic and Ethical Principles", finds the plot-prototype common to both works — apocryphal legend of the Holy Family escape to Egypt, well-known in the European art, and emphasizes the similarity of Kierkegaard's and Lermontov's views on the person of the XIXth century — the century of disbelief.

Key words and phrases: sources of plot; plot-prototype; symbol; image of tree; individualist; esthetician; repetition; disbelief.